

RU

Лингвистика и психоанализ: дискурс и метадискурс

Седых А. П., Акимова Э. Н., Чижова А. О.

Аннотация. Цель исследования – выявление точек соприкосновения между лингвистическим и психоаналитическим дискурсами и метадискурсами. Научная новизна работы состоит в построении лингвосомиологической модели описания дискурса и метадискурса с целью уточнения понятийного аппарата и более чёткого семантического структурирования терминосистемы лингвистики, психоанализа, а также теории языка и теории коммуникации. Важным моментом исследования выступает обнаружение эпистемологических сходств и различий между терминологическим аппаратом и операциональными моделями анализа текста, используемыми в обеих дисциплинах, иными словами, между лингвистической и психоаналитической обработкой высказывания в русле интерпретативно-семиологического подхода. Полученные данные делают возможным выявление ряда важных механизмов лингвосомиотической синергии между субъектами нарратива различных наук, необходимых для осуществления адекватной коммуникации, связанной с активизацией динамики развития лингвосомиотических и лингвокультурных данных, на путях создания новой метадискурсной аксиологии как в теории, так и в практике не только лингвосомиотики психоанализа, но и общего языкознания.

EN

Linguistics and psychoanalysis: Discourse and metadiscourse

A. P. Sedykh, E. N. Akimova, A. O. Chizhova

Abstract. The aim of the study is to identify points of contact between linguistic and psychoanalytic discourses and metadiscourses. The scientific novelty of the work consists in the construction of a linguo-semiological model for describing discourse and metadiscourse in order to clarify the conceptual apparatus and more clearly structure the semantic terminology of linguistics, psychoanalysis, as well as the theory of language and communication theory. An important point of the study is the discovery of epistemological similarities and differences between the terminological apparatus and operational models of text analysis used in both disciplines, in other words, between the linguistic and psychoanalytic processing of utterances in line with the interpretative-semiological approach. The obtained data allow us to identify several crucial mechanisms of linguistic and semiotic interaction between the subjects of various scientific fields. This synergy is essential for effective communication and drives the advancement of linguistic and cultural knowledge. By activating the dynamics of linguistic and cultural data, we can create a new metadiscourse axiology in both theory and practice. This applies not only to the field of psycholinguistics but also to general linguistics.

Введение

Актуальность работы видится в повышении роли метадискурсного и трансдискурсного восприятия информации и в растущей востребованности аксиологических построений в русле поиска адекватных оценок и решений для конструктивной синергии индивидуального и коллективного когнитивного потенциала социума. Актуальными представляются также и перспективы дальнейших исследований, очерченных в работе и направленных на создание метадискурсных основ для реконструкции адекватных когнитивно-коммуникативных моделей с целью осуществления успешного трансдисциплинарного взаимодействия.

Каждая из научных дисциплин обладает своим терминологическим аппаратом. Исследования лингвистического и психоаналитического нарратива не являются исключением: если лингвистика оперирует такими базовыми единицами, как фонема, морфема, предложение, то психоаналитическая наука конструирует собственный метаязык для формирования и постоянного обновления критического аппарата для аутентичной рефлексии, анализа и оценки текстового клинического материала.

В задачи данного исследования входят:

- сопоставительный анализ лингвистического и психоаналитического дискурса;
- выявление сходств и различий лингвистической и психоаналитической терминосистем;
- подготовка элементов эпистемологической базы для уточнения проектных механизмов анализа в рамках трансдискурсной текстологии.

Отметим, что психоанализ интегрирует в себе понятия, «заимствованные из различных областей гуманитаристики: общего языкознания (означающее, означающее, язык, речь, дискурс), грамматики (синтаксис, высказывание), риторики и стилистики (персонификация, метафора, метонимия), приёмов письменного дискурса (структурная перестройка, сгущение), педагогики (общая цель, конкретная цель), терминологии (терминологический список, язык специальности), лексикологии (заимствование, отслеживание), литературного анализа (анализ и интерпретация дискурса) и когнитивной психологии (когнитивные аспекты, концепт)» (Седых, Акимова, Скворцов, 2024, с. 1163-1164).

При этом психоанализ также имеет свой терминологический аппарат, не всегда единогласно признаваемый специалистами в данной области (трансфер, оговорка, кастрация, комплекс, архетип), который перманентно обогащается новыми терминами (Седых, Акимова, Скворцов, 2024). Основополагающие задачи исследования включают в себя: а) акцент на выявление терминологических единиц, междисциплинарную информацию; б) верное понимание их информативного и смыслового содержания; в) адекватную трактовку операциональных единиц в ходе дискурс-анализа.

Дискурс и метадискурс – понятия взаимосвязанные. Лингвосемиотическая реконструкция дискурса – это также реконструкция метадискурса научной культуры, к которой принадлежит тот или иной дискурс. Переводные представители филологической науки делают акцент на данном феномене (Карасик, 2016; Рикёр, 2004; Pruvost, 2000; 2005; 2014; Седых, Бузинова, Пашковская, 2023).

Авторы в своих изысканиях опираются на теоретико-практический и практико-ориентированный подход, основанный на концептуализации значения не только «как информационной утилиты, но и наделенной функциями, направленными на удовлетворение насущных потребностей реципиента дискурсных данных через адекватное восприятие лингвосемиотического потенциала *означающих*» (Седых, 2022, с. 1164).

Потенциальные означающие понимаются как «операциональные виртуальные единицы, которые актуализируются при помощи интенсификации дискурсной активности (когнитивного целеполагания) субъекта, схватывая искомым номинант в любой нужной точке движения операционального хронотопа, который качественно преобразуется под воздействием селективных модальных признаков дискурса» (Седых, Акимова, Безкоровайная, 2024, с. 93).

Наряду с дискурсным материалом текстов лингвистов и психоаналитиков материалом для исследования также послужили следующие словари:

- Chemama R., Vandermesch B. Dictionnaire de la psychanalyse. P.: Larousse, 2018.
- Dictionnaire culturel en langue française: en 4 t. / éd. par A. Rey, D. Morvan. P.: Le Robert, 2005.
- Laplanche J., Pontalis J.-B. Vocabulaire de la psychanalyse. P.: P.U.F., coll. «Quadrige/PUF», 2007.
- Larousse. Le Dictionnaire de linguistique et des sciences du langage. P., 2013.
- Pruvost J. Le Dico des dictionnaires. P.: JC Lattès, 2014.
- Simonet-Tenant F. «Métadiscours» // Dictionnaire de l'autobiographie / dir. F. Simonet-Tenant, avec la collab. de M. Braud, J.-L. Jeannelle, P. Lejeune et V. Montémont. P.: Champion, 2017.

Дискурс как многозначное и полиморфное явление обладает большим потенциалом эпистемологического развёртывания, что отражается в работах филологов, социологов, теоретиков философии языка, психоаналитиков (Карасик, 2007; 2016; Седых, 2022; Lacan, 1973; Morin, 2006; Rastier, 2009; Identités sociales..., 2009; Rey, 2020; Kristeva, 2000).

Теоретические основы работы опираются на следующие концепции исследователей и направлений: дискурсологии и дискурсной идентичности (Identités sociales..., 2009; Олянич, 2014), интеракционной коммуникации и лингвоидентичности (Kerbrat-Orecchioni, 2005), нарративной семантики (Рикёр, 2004), лингвосемиологии (Kristeva, 2000), психомеханики (Guillaume, 1982; Babu, 2014; Tabachnick, 2011), металексикографии и лексикологии (Quemada, 1987; Pruvost, 2005; Dictionnaire culturel..., 2005).

Значимость теоретических построений исследования видится в дальнейшей разработке лингвopsихоаналитического подхода к изучению текста-дискурса, с интегрированием дополнительных синергетических параметров метадискурсного и трансдискурсного кластера.

Анализ источников позволяет говорить о подтверждении научных положений теории языка, дискурсологии и лингвосемиотики. Методика, теоретические позиции и результаты исследования могут послужить для дальнейших разработок теории трансдискурсного моделирования, в частности лингвopsихоаналитической картины мира и нового терминологического аппарата гибридной природы.

Методы исследования включают в себя сравнительно-сопоставительный анализ высказывания, а также выделение потенциальных метадискурсных признаков речевой рецепции и коммуникации с целью создания адекватных условий для обозначения и акцептации реальных трансдискурсной активности.

Практическая значимость: результаты исследования найдут применение в процессе преподавания лингвосемиотических основ языкознания и метадискурса науки, на лабораторных занятиях по филологическим и психолингвистическим дисциплинам, в рамках практических курсов по подготовке преподавателей педагогических институтов и научно-преподавательского состава классических университетов.

Обсуждение и результаты

Вопрос о взаимоотношениях психоанализа и лингвистики осложняется двумя факторами. С одной стороны, эти отношения находятся в состоянии постоянного развития. В частности, они были настолько глубоко преобразованы работами Жака Лакана, что есть все основания говорить об интеграционном «прорыве лингвистики и психоанализа навстречу друг другу» (Chemama, Vandermesch, 2018, p. 11). С другой стороны,

эти отношения нельзя свести только к одному типу эпистемологического взаимодействия. Здесь уместно выделить четыре оси интеракций:

1. Психоанализ и язык

Психоанализ как научная дисциплина в его отношении к явлению, называемому языком.

2. Психоанализ и лингвистика

Психоанализ как практика и его отношение к лингвистике, которая берёт своим предметом все или часть языковых явлений.

3. Лингвистика и психоанализ

Лингвистическая наука и её отношение к данным, выявляемым психоанализом.

4. Лингвистика и бессознательное

Проблематика отношения лингвистики к бессознательному, иначе говоря, её отношение к теории психоанализа.

Следует напомнить о том, что психоанализ – это практика, когда «кто-то просит другого помочь ему справиться со своими смущениями, симптомами, иногда с их извращениями, эта практика анализа – практика речи, построения ассоциаций, подразумевающих определённое использование языка, стремящееся к расшифровке того, что именуется бессознательным» (Kristeva, 2000, p. 27). С того момента, как Ж. Лакан определил бессознательное как инстанцию, «структурированную как язык», и ввёл в научный обиход ряд тем, которые, в частности, содержат в себе психоаналитические трактовки различных типов дискурса, начался парадигмальный поворот в сторону лингвистического психоанализа (Седых, Акимов, Скворцов, 2024).

Авторы статьи не претендуют на исчерпывающее раскрытие вышеуказанной проблематики, оставляя эту перспективную задачу для будущих исследований. Рассмотрим лишь некоторые из эпистемологических векторов соприкосновения лингвистического и психолингвистического дискурса и метадискурса.

Лингвистический дискурс

Как известно, термин «дискурс» берет своё начало в риторике, но в дальнейшем был принят и активно используется в настоящее время в лингвистике. По мнению некоторых лингвистов, дискурс трактуется главным образом как «устное производство» (Tabachnick, 2011). По мнению других, это общий термин для различных типов текстов, под которым подразумеваются либо письменные, либо устные произведения (Quemada, 1987; Sedykh, Emanuele, Kugan, 2022).

Лингвистика расширила понятие дискурса до любого устного или письменного сообщения, произведённого одним говорящим, но некоторые авторы включают в него «диалог и полилог» (Larousse, 2013).

Существует несколько различных взглядов на дискурс и, следовательно, несколько определений. Вот некоторые из них:

1. «Термин “дискурс” обозначает любое высказывание, превосходящее предложение, рассматриваемое с точки зрения правил соединения последовательности предложений» (Dubois, Sance, 2012, p. 65).

2. «Текст (дискурс) представляет собой упорядоченную последовательность языковых знаков, расположенную между двумя явными прерываниями общения» (Weinreich, 2009, p. 161).

3. «Текст – крупнейшая функциональная единица, составляющая структурный каркас языкового общения. Именно в рамках этой дискурсной структуры предложения организуются как минимальные единицы общения» (Kerbrat-Orecchioni, 2005, p. 113).

4. «Текст есть единство, прагматическая, семиотическая, стилистическая совокупность ряда “n” предложений» (Hangay, 2007, p. 524).

5. «Текст – это языковой продукт, наделенный структурой и внутренней связностью, который приобретает свои действенные характеристики в своих ситуативных и интертекстуальных отношениях» (Guillaume, 1982, p. 7-8).

6. Дискурс как «общение людей, рассматриваемое с позиций их принадлежности к той или иной социальной группе или применительно к той или иной типичной речеведческой ситуации, например, институциональное общение» (Карасик, 2004, с. 194).

В остальной части статьи используется термин «дискурс», подразумевается, что он включает в себя и термин «текст».

В этом плане представляется возможным определить дискурс, обращаясь к специфичным для него факторам: «Я» (говорящий) артикулирует смысловые формы в соответствии с «Вы/Ты» (собеседник). Артикуляционные и речевоспроизводящие функции включают, конечно, структурные (структурирующие), но также и персуазивные элементы, без какой-либо исключительности между этими двумя (взаимопроницаемыми и негерметичными) категориями смысловых форм. Дискурсное речевоспроизведение происходит в точное (и идентифицируемое) время и место, где «Я» обращается к «Вы/Ты».

Часто в лингвистике дискурс противопоставляется речи, так же как и высказывание – предложению (Олянич, 2014). Предложение является высшим уровнем структурирования языка, на нем заканчиваются правила синтаксиса. Это теоретическая сущность, созданная с помощью синтаксиса для определения законов, управляющих положением грамматических категорий. С другой стороны, речь, как и высказывания, обозначает конкретные сущности, к которым могут быть привязаны предложения, реконструированные с помощью грамматики. Комбинация высказываний в дискурсе контролируется не категориальным синтаксисом, а коммуникативными ограничениями фундаментально семантического и прагматического характера (Sedykh, Ivanishcheva, Koreneva et al., 2018).

Несмотря на то, что тексты и речи выходят из-под власти конститутивных правил языка, они представляют собой формальные закономерности. С одной стороны, так как они содержат знаки связности (союзы, наречия и т. д., обозначаемые термином «коннекторы»), а также различные формы анафор, использование которых ограничено их специализацией в зависимости от семантической конфигурации высказывания. С другой стороны, поскольку они могут быть связаны с типами или жанрами, которые могут быть более или менее кодифицированы в рамках заранее установленных схем (например, письменное повествование). В более общем плане «дискурсное производство» ограничено функциональными потребностями коммуникативного характера. В частности, речь идет о том, чтобы говорящий построил своё высказывание таким образом, чтобы те, к кому он обращается, могли восстановить смысл сообщаемого и, в частности, смысловую связность высказывания. Учёт этих функциональных ограничений требует от говорящего мобилизации всех видов знаний, связанных с ситуацией общения, и «включения общего для коммуникантов когнитивно-коммуникативного фона» (Pruvost, 2000, p. 15).

Дискурс в психоанализе

В психоанализе дискурс обозначает организацию общения, главным образом речевого, специфичного для отношений пациента и анализанда с набором *означающих* и *внутренним объектом* (Laplanche, Pontalis, 2007). Последние имеют решающее значение для личности и регулируют формы социальных связей.

Субъектом психоанализа является не человек, природа которого неизменна, но и не индивидуум, изменяющийся в соответствии с превратностями истории. Помимо индивидуальных особенностей, психоанализ выделяет функции, относящиеся к структурам, в которых оказывается пойманным каждый человек. Кроме того, теория четырех дискурсов Жака Лакана представляет собой одну из самых последних и наиболее эффективных разработок, касающихся этих структур.

Идея описания клинических объектов, а не подхода, ориентированного исключительно на отдельные истории, присутствовала с самого начала психоанализа. Это объясняется научными целями Зигмунда Фрейда, а также устойчивостью невротической симптоматики. Действительно, существование истерии или даже фобии было зарегистрировано со времён античности (Pruvost, 2005).

Клинические категории хотя и важны, но не существенны для различий, которые психоанализ позволяет нам проводить между разными типами структур, в которых может оказаться субъект. Действительно, эти категории впервые созданы для учёта состояний, считающихся патологическими, которые сами по себе противоположны нормальным состояниям, при этом нормальность или патология не могут быть чётко определены.

Поэтому может быть навязано представление о других структурах, которые объясняли бы различные формы, которые принимает отношение субъекта к своему желанию или к своей фантазии, к объекту, который он пытается найти, или к идеалам, которые им руководят с психоаналитической точки зрения. Именно в этом смысле З. Фрейд, например, различает различные либидинальные типы (эротический, нарциссический, навязчивый и смешанный типы) (Chemama, Vandermesch, 2018). В данной перспективе, например, психоаналитик Вильгельм Райх (2006) разработал теорию характеров. Однако его разработки сохраняют двусмысленность. Действительно, характер можно рассматривать только как нечто внутреннее по отношению к субъективности. Однако психоанализ, по нашему мнению, заставляет делать акцент не на субъективности, а на подчинении, то есть на том, что «может определять субъект, производить его, вызывать его: на его истории и, точнее, на истории высказывания, того (внутреннего объекта), который уже был там еще до его рождения в речи его родителей, тот, который с самого его рождения никогда не переставал сопровождать его и неуклонно направлять его жизнь» (Flame, 2012, p. 25).

Любой тип дискурса предполагает формирование социальной связи, без которой дискурс не может быть таковым. Какой формат социальной связи представляется легитимным для психоаналитического дискурса?

Было бы вполне естественно определить эту социальную связь как группу, разделяющую один и тот же язык общения, то есть как совокупность людей, собравшихся вокруг объекта, события или проекта, который объединяет их в процессе дискурсивной коммуникации. Социолингвистические связи, характерные для психоанализа, определяют место, которое люди занимают по отношению к психоанализу, к инстанции бессознательного и его языкового выражения. Психоаналитический дискурс, таким образом, объединяет все средства (средства лечения, супервизии, средства теории и практики, интра- и интерассоциативные средства, а также психолингвистические ассоциации), которые «определяют каждому своё место в этом групповом проекте» (Kristeva, 2000, p. 115).

Жак Лакан был первым, кто выдвинул теорию о важности учёта языковых и, шире, дискурсивных параметров в психоанализе. Для этой цели он заимствовал многие термины из лингвистики. В частности, французский психоаналитик активно использовал в своей практике такие понятия и термины, как «означающее», «означаемое» и «референт», введенные Фердинандом де Соссюром, предшественником структурализма.

По мысли Лакана, «означающее – это слово, идея или образ, которые позволяют нам вызвать в памяти то, о чем мы говорим. Означающее соответствует тому мысленному представлению, которое мы имеем об этой вещи. Наконец, референт – это вещь в том виде, в каком она существует, реальная вещь, о которой мы говорим» (Lacan, 1998, p. 77).

По мнению французского учёного, функционирование языковых знаков в пространстве дискурса формирует социальные связи. Таким образом, всё, что связывает людей друг с другом, обязательно основано на языке: «Дискурс организует наши отношения с другими, а также наши отношения с самим собой <...> именно существование языка и дискурса превращает естественные объекты в культурные» (Lacan, 1998, p. 77). С этой мыслью можно согласиться, так как все люди испытывают примерно одни и те же чувства, но восприятие человеком того, что его окружает, в конечном счёте определяется языком: именно этот факт объясняет,

почему существуют термины, неперебиваемые с одного языка на другой, или почему иногда есть множество способов обозначения понятия, которое на другом языке сводится к простому обозначению. По сути дела, язык, как система, и дискурс, как реализация этой системы, опираясь на семиологические механизмы когниции (подсознательного или бессознательного), обеспечивают «концептуальное моделирование структуры воспринимаемого объекта» (Sedykh, Emanuele, Kugan, 2022, p. 21).

Напомним сакраментальную лакановскую мысль о том, что «бессознательное структурировано подобно языку» (*l'inconscient est structuré comme un langage*). Как и в языке, психоаналитик и анализанд имеют дело с системой *означающих* и *означаемых*. Однако мы дифференцируем эти категории в языкознании и психоанализе на уровне означающего: *языковое означающее* – это звук и графема. *Психоаналитическое означающее* – семиологический след в бессознательном. Здесь речь может идти о *запахе, образе, вкусовом ощущении*, которые являются носителями определённых/неопределённых смыслов. Иными словами, психоаналитическое означающее есть факт субъективной истории, репрезентируемый и зафиксированный в памяти. Тезисно психоаналитическая схема организации процедурных задач интерпретации текста-дискурса основывается на следующих постулатах:

- сознательное состоит из представлений слов;
- бессознательное включает в себя репрезентации фонем и обозначаемых объектов;
- обозначаемые объекты, которые часто переживались до возникновения речи, в раннем детстве, как правило, касаются соматических функций субъекта (Larousse, 2013).

В этой перспективе для выявления ментальных отпечатков семантико-смысловых конфигураций в бессознательном, необходимо расшифровать эту инстанцию в целостности её проявлений в дискурсе анализанда. Роль психоаналитика состоит в том, чтобы устно интерпретировать дискурс, который «высвобождается от власти» субъекта в ходе аналитического лечения, и вмешиваться словами, когда это необходимо. На этой схеме интерпретации, по нашему мнению, базируется ответственность психоаналитика.

Таким образом, с точки зрения пациента, язык, организованный дискурсно, необходим для того, чтобы символизировать, а затем вытеснить «погребённые» фантазии и воспоминания, составляющие бессознательное анализанда. Роль психоаналитика «в большей степени заключается в том, чтобы слушать, а не говорить. Его позиционирование – сопровождать слово, поддерживать его, противостоять ему...» (Dictionnaire culturel..., 2005, t. 3, p. 218). Язык даёт возможность организовать беспорядочные мысли и поэтому в конечном итоге в рамках анализа является настоящим терапевтическим инструментом. Хотя этот инструмент не всегда предоставляет доступ к источнику симптома, «подавленного зла», но позволяет анализируемому посредством размышлений, которые у него развиваются во время анализа, «идентифицировать механизмы переноса, скрининги, повторения и другие инструменты диагностики» (Simonet-Tenant, 2017, p. 115).

Итак, дискурс лингвиста и дискурс психоаналитика совпадают как минимум на уровне объекта анализа, которым в конечном счёте является *текст*, как семиологическое целое во всех его возможных проявлениях, от речепроизводной вербальной субстанции до невербальной сущности закодированных симптомов для диагностики психосоматических недугов. Здесь мы подходим к уровню метадискурса, который представляет собой внешнюю (промежуточную) смыслообразовательную локацию дискурсного описания, где пересекаются лингвистика и психоанализ.

Метадискурс (лингвистика и психоанализ)

Метадискурс – один из феноменов языковой рефлексивности, согласно которому высказывание принимает дискурс в качестве своего объекта, описывает частную форму другого высказывания или возвращается к собственному высказыванию: «Когда вы пишете о себе или своей жизни, сам текст, который вы пишете, принадлежит этой прожитой сфере, и кажется логичным, что текст говорит сам за себя. Также практика метадискурса часто встречается в автобиографических, мемориальных, дневниковых и эпистолярных произведениях, которые характеризуются склонностью к приукрашиванию или даже инсценировке» (Simonet-Tenant, 2017, p. 552).

Речь идёт о дискурс-анализе в языкознании, целью которого является разработка метаязыка, то есть формализованной системы, обеспечивающей описание и построение дискурсных типов. На теоретическом уровне метаязык описания предназначен для того, чтобы сделать «возможным создание непротиворечивых наборов утверждений, попадающих в рамки возможных дискурсов для данной культурной формации» (Rey, 2020, p. 127).

На методологическом уровне единицами сегментации текста являются уже не предложения, как в грамматике дискурса, а предложения или высказывания. Эта смена единицы не является простым аватаром, но позволяет выполнять различную работу, ведущую к выявлению элементарных закономерностей. Более того, смена единицы относится к учёту непрозрачности языка, который больше не сводится к его собственной структуре (синтаксической и/или семантической). Дискурс подвергается сомнению в его анализе, в его содержании и в его продуцентах (Седых, 2011, с. 51). С точки зрения эпистемологического узуса общий термин остаётся идентичным: «анализ дискурса», несмотря на различия в концепциях разных школ, например французской школы и англосаксонских течений: «Под этой модной концепцией [метадискурса] лежат переменные определения, источники путаницы. Истоки дискурс-анализа разнообразны, неоднородны, а несколько областей исследований и практики развивались независимо и продолжают сосуществовать без связей между ними» (Babu, 2014, p. 17).

Представляется целесообразным продемонстрировать в нескольких отправных точках – «символе» и «метаязыке» – «пористость» двух метадискурсов, развёртывающихся вокруг соответствующих объектов лингвистов и психоаналитиков. По нашему мнению, в рамках обоих метадискурсов по-своему разрабатывается вопрос *статуса субъекта в его отношении к языку*.

Несколько слов об истории данного вопроса, питающего старую фантазию о слиянии двух дисциплин под руководством одной или другой. Эта тенденция, столь же старая, как само строение этих двух областей знания, питается двойной одновременной иллюзией, «стремящейся превратить психоанализ в глубинную психологию, а лингвистику в простую эмпирическую технику, которая не будет подкреплена ни с какой точки зрения концептуальным взглядом на её собственный объект: язык. С другой стороны, пуганица возникает из-за претензий лингвистики утвердиться в качестве обобщенной антропологии, включающей в себя факты сознательного, подсознательного и бессознательного» (Kristeva, 2000, p. 123).

Дискуссии вокруг понятия метаязыка сопровождают решающие перестановки, которые впоследствии произошли в той или иной дисциплине, кульминацией которых стала концепция Жака Лакана, с одной стороны, и эпистемологическая позиция Л. Ельмслева, с другой. Оба учёных, психоаналитик и лингвист, в своей рефлексии «символизируют момент, когда аналитики и лингвисты переходят от размышлений в пользу создания нового объекта знания к исследованию субъективных модальностей его использования; как бессознательного, так и языка» (Morin, 2006, p. 17).

От размышлений над понятием символа до анализа двусмысленного статуса метаязыка в той или иной рассматриваемой области мы проходим через все хитросплетения истории идей, которые вели психоаналитиков и лингвистов с начального момента создания метаязыка, от объекта познания до самых последних попыток объективного описания модальностей функционирования. Именно сочетание эпистемологических вопросов и функциональных подходов, которые они порождают, объясняет проницаемость (пористость) в определённых точках этих двух областей знания. Идентифицировать узловые понятия лингвистики и психоанализа можно будет лишь при условии, что мы будем отдавать предпочтение выделению параллельных вопросов, а не омонимии терминов, которые не всегда отражают адекватные понятия, одновременно в каждой из соответствующих областей знания.

Резюмируя путь поисков, от Фрейда до Соссюра, от символа к знаку, отметим, что эпистемологическая эквивалентность «символ ↔ знак» является конструктивной и продуктивной. Действительно, у Фрейда, как и у Соссюра, каждая из соответствующих концепций несет в себе параллельный, в некотором роде общий вопрос о статусе теоретического объекта, который оба учёного стремятся сконструировать. В обоих случаях в центре дебатов находится вопрос о мотивации или произвольности психологических действий или языковых фактов. Здесь же возникает вопрос о *естественности* или *произвольности* языка, в ответ на который лингвист, как известно, делает выбор в пользу *произвольности*, благодаря принятию понятия знака в противовес понятию символа, заложенному со времён философии языка в натуралистической традиции. Фрейд задаётся вопросом о *биологизации* или *социализации* психических процессов и отдаёт предпочтение процессу *символизации*, чтобы «лучше оторвать бессознательное от его естественного физиологического субстрата: мозга» (Freud, 2020, p. 35). Как видим, принятие в данном случае понятия «символ» имеет множество эффектов, идентичных в своём роде эффекту появления термина «знак» в лингвистике.

Надо сказать, что если двусторонний характер знака гарантирует для Соссюра *произвольность* языка, то *амбивалентность* символа не менее важна для Фрейда, для которого знак преломляется «в ассоциациях и символизируется в процессе, обозначающем то самое движение, которым радикально отличается психика от естественных движений мозга» (Freud, 2020, p. 35). Здесь к произвольности знака присоединяется символическая сверхдетерминация, бросающая вызов любому теоретическому натурализму.

Однако движение спецификации терминологического аппарата, исходящее из каждой из этих дисциплин, кажется, в то же время обрекает лингвистику и психоанализ на движение восстановления всех «невралгических» понятий, которые мешали бы этому сосредоточению на привилегированном объекте, языке, не осознавая другого. В силу того, что язык находится в постоянном эволютивном движении, теоретизация психического бессознательного приводит к отказу аналитиков от эксплицитного подхода к языку, в то время как конституирование языка как объекта науки включает, по Соссюру, исключение говорящего «субъекта из пространства модальности речи за пределы лингвистики» (Saussure, 2021, p. 3).

С приходом Луи Ельмслева, создавшего *теории высказывания и семантической комбинаторики*, *homo loquens* (человек говорящий) вновь становится полноправным объектом исследования в лингвистике. Параллельно психоаналитик Жак Лакан интегрирует в свою концепцию понятие «объект-желание (*objet a*)» через плоскость языка, так что *символ* становится в конечном итоге *сильнее* самого желания» (Chemama, Vandermesch, 2018, p. 135).

Вышеуказанные акты лингвистического и психоаналитического «присвоения объекта» выстраиваются вокруг понятия *метаязыка* и сомнений, которые окружают его использование как среди лингвистов, так и среди психоаналитиков. Перед представителями обеих дисциплин стоит непростая задача: разгадать историю и сущность позиций Жака Лакана по этому вопросу, основываясь не только на теории ценностей Соссюра, но и исходя из радикальности позиций Ельмслева, который первым заявил об автономии семантической комбинаторики по отношению к синтаксису. В определённом смысле лакановский психоанализ «вырывает» *означающее* из чисто лингвистической области функционирования, иными словами, первоначального отношения к означаемому, как это понимал Соссюр. Вплоть до того момента, когда означающее становится метафорой всего языка и дискурса, что является одной из амбициозных эпистемологических целей французского учёного, фактически исключаящей любой метаязык.

Итак, метаязык и метадискурс как его реализация содержат сходные элементы с точки зрения алгоритма организации интерпретационных схем текста, как в лингвистике, так и в психоанализе. Текст, как объект анализа и дальнейшего толкования в рамках, например, лингвистилистической обработки литературного текста, на первом этапе подвергается процедуре выявления языковых средств и их функций в построении семантико-

смысловой структуры дискурса. На последующем и завершающем этапах осуществляется жанровая, а затем когнитивно-коммуникативная и персонологическая атрибуция текста.

В психоанализе осуществляется примерно та же самая процедура, но стилистический анализ, как вторая часть лингвистического исследования, скорее атрибутируется не как авторская «принадлежность», но как результат бессознательных процессов, требующий психоаналитической интерпретации в русле терапевтической целесообразности. Психоаналитически говоря, можно утверждать, что автор художественного текста уже не имеет никаких «прав» на своё произведение, поскольку оно работает в бессознательном измерении. Однако сегодня, даже когда в области литературоведения появляются новые перспективы, психоанализ, похоже, представляет собой не арьергард, а скорее авангард для критического обновления. Подход к анализу, предложенный благодаря открытиям Фрейда и, в частности, Жака Лакана и его последователей, «подталкивает» восприятие художественного дискурса к двойной операции чтения и «переписывания», а также выступает полем встречи бессознательного читателя с бессознательным автором.

Заключение

Антропоцентричность, междисциплинарность и трансдискурсивность являются осевыми признаками современной гуманитаристики, которая, благодаря возросшему воздействию информационно-коммуникационных технологий, отражает интенсификацию языковых контактов и гибридизацию дискурсивных пространств. К ключевым моделям коммуникативного поведения и когнитивной перцепции человечества можно с уверенностью отнести тенденцию к формированию новых навыков межкультурной компетенции в рамках трансдискурсивных и метадискурсивных парадигм описания научного знания. Мы рассматриваем трансдискурсивную модель как новый концепт для осуществления личностных и коллективных эпистемологических инвестиций вне зависимости от национальной и культурной принадлежности.

Креативная синергия лингвистики и психоанализа – это не новая тема в научном мире, но при этом взаимодействие этих дисциплин, как на уровне дискурса, так и метадискурса, становится на современном этапе эволюции науки всё более популярным среди исследователей и приобретает всё новые конструктивные форматы взаимного проникновения. Психоанализ и лингвистика, развивая потенциал изысканий прошлых лет, совместными усилиями теоретиков и практиков вновь обретают революционный дух в рамках лингвосомиологии и метадискурсивологии. По сути дела, речь идёт не просто о новых возможностях лингвотерапии, но о лингвосомиологической философии с элементами поэтики, о мировидении, основанном на стремлении к точности терминологии, и о креации обновлённого типа, свободной от предрассудков предшествующих научных парадигм.

Анализ лингвистических и психоаналитических концепций и направлений мысли позволяет очертить три актуальные точки и уровни соприкосновения двух дисциплин:

- точка отсчёта: человек говорящий как лингвокультурный аттрактор и активный вектор операционального целеполагания в русле антропоцентричности универсальных тенденций научных изысканий;
- уровень текста-дискурса как основного объекта анализа и последующего интерпретативного описания;
- точка приложения: языковые единицы и дискурсивные структуры в качестве приоритетных и действенных инструментов преодоления кризиса метасценариев (великих проектов) постмодернизма.

Дальнейшие перспективы исследования видятся в расширении эпистемологической и эмпирической базы дискурс-анализа за счёт внедрения инновационных подходов и моделей в рамках контрастивного анализа лингвистических и психоаналитических текстов, аффилированных различной степени дистантности с целью обогащения существующих и создания новых этнокультурных корпусов национальных языков и дискурсов.

Источники | References

1. Карасик В. И. Дискурсивология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 1.
2. Карасик В. И. Эволюция и инволюция концептов // Аксиологическая лингвистика: проблемы лингвоконцептологии и лингвокультурных типажей: сб. науч. ст. / под ред. Н. А. Красавского. Волгоград, 2007.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: ГНОЗИС, 2004.
4. Олянич А. В. Лингвосомиотика этической интеракции: знак, слово, текст (дискурс) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. № 16.
5. Райх В. Характероанализ. М.: Когито-Центр, 2006.
6. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004.
7. Седых А. П. Коммуникативный портрет Николая Саркози // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36).
8. Седых А. П. Язык, культура, коммуникация: французский мир: монография. Белгород: Эпицентр, 2022.
9. Седых А. П., Акимова Э. Н., Безкоровайная Г. Т. Лингвокультуремы, межкультурный трансфер и транскультурное моделирование (на материале русского и французского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 1. <https://doi.org/10.30853/phil20240014>
10. Седых А. П., Акимова Э. Н., Скворцов К. В. Дискурсивные «ипостаси» Жака Лакана: французская лингвокультура // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 4. <https://doi.org/10.30853/phil20240014>
11. Седых А. П., Бузинова Л. М., Пашковская Н. Д. Дискурсивология, междисциплинарность, регионализация. Белгород: Эпицентр, 2023.

12. Babu J.-Ph. *Gustave Guillaume, aux sources archéologiques du problème de l'article: Thèse pour obtenir le grade de docteur de l'université Paris-Sorbonne*. P., 2014.
13. Dubois D. S., Cance C. *Vers une sémiotique du sensible: des couleurs en discours et en pratiques // Histoire Epistémologie Langage*. 2012. No. 34 (1).
14. Flame É. *Lacan, le langage et rien d'autre...* // *Annuel de l'APF*. 2012. No. 1.
15. Freud S. *Sur la psychanalyse. Cinq leçons*. P.: Flammarion, 2020.
16. Guillaume G. *Leçons de linguistique, 1956-1957 / éd. par G. Plante*. Québec – Lille: P. U. Laval-PUL, 1982.
17. Hangay Z. *Szövegtan // Le livre de la langue hongroise / dir. A. Jászó Anna*. 8e éd. Budapest: Trezor, 2007.
18. *Identités sociales et discursives / sous la dir. de P. Charaudeau*. P.: Harmattan, 2009.
19. Kerbrat-Orecchioni C. *Le discours en interaction*. P.: Dunod, 2005.
20. Kristeva J. *Le temps sensible. Proust et l'expérience littéraire*. P.: Folio Essais, 2000.
21. Lacan J. *Séminaire V*. P.: Le Seuil, 1998.
22. Lacan J. *Séminaire XI: Les quatre concepts fondamentaux de la psychanalyse*. P.: Le Seuil, 1973.
23. Morin E. *La méthode: en 6 vols*. P.: Seuil, 2006. Vol. 6. L'éthique.
24. Pruvost J. *Dictionnaires et nouvelles technologies*. P.: Presses universitaires de France – PUF, 2000.
25. Pruvost J. *Quelques concepts lexicographiques opératoires à promouvoir au seuil du XXIe siècle Jean Pruvost // Éla. Études de linguistique appliquée*. 2005. No. 137.
26. Quemada B. *Notes sur lexicographie et dictionnaire // Cahiers de lexicologie*. 1987. No. 51.
27. Rastier F. *Sémantique interprétative*. P.: Presses Universitaires de France, 2009.
28. Rey Ch. *Dictionnaire et société*. P.: Honoré Champion, 2020.
29. Saussure F. de. *Cours de linguistique générale*. P.: Editions le Mono, 2021.
30. Sedykh A. P., Emanuele V., Kugan E. I. *Linguistic and cultural identity: Epistemological review // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*. 2022. Vol. 8. No. 3.
31. Sedykh A. P., Ivanishcheva O. N., Koreneva A. V., Ryzhkova I. V. *Modern philological knowledge: Anthropocentrism and linguistic identity // International Journal of Engineering and Technology (UAE)*. 2018. Vol. 7. No. 4.38.
32. Tabachnick M. *Psychomécanique du langage et sémiotique du texte littéraire*. Sarrebruck: Ed. Universitaires Européennes, 2011.
33. Weinreich U. *Explorations en théorie sémantique. Présentation, traduction de l'anglais et commentaires de Marie-Noëlle Gary-Prieur*. Arras: Artois Presses Université, 2009.

Информация об авторах | Author information

RU

Седых Аркадий Петрович¹, д. филол. н., проф.
Акимова Эльвира Николаевна², д. филол. н., проф.
Чижова Анастасия Олеговна³

¹ Московский международный университет;

Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

Белгородский государственный технологический университет

² Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, г. Москва

³ Институт международных экономических связей, г. Москва

EN

Arkadiy Petrovich Sedykh¹, Dr
Elvira Nikolajevna Akimova², Dr
Anastasia Olegovna Chizhova³

¹ Moscow International University;

Belgorod National Research University;

Belgorod State Technological University

² Pushkin State Russian Language Institute, Moscow

³ Institute of International Economic Relations, Moscow

¹ sedykh@bsu.edu.ru, ² akimovaen@mail.ru, ³ nnastik@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 08.07.2024; опубликовано online (published online): 24.07.2024.

Ключевые слова (keywords): лингвосемиология; терминосистема лингвопсихоанализа; анализ текста; метадискурс; linguo-semiology; terminology of linguopsychanalysis; text analysis; metadiscourse.